

Н. И. КОНОВАЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.881.161.1'38
ББК Ч426.819=411.2,5

ЯЗЫКОВОЙ АВТОМАТИЗМ В АССОЦИАТИВНО- ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ КАК «СЛЕД» КРЕАТИВНЫХ МНЕМОТЕХНИК

Аннотация. Автор статьи обращается к проблеме языкового автоматизма, в частности, к таким аспектам этого феномена, как соотношение универсальных речемыслительных действий и индивидуальных стратегий запоминания языкового материала и дальнейшего его употребления в разных коммуникативных ситуациях. Предметом исследования модели сознания является представленная в «Русском ассоциативном словаре» ассоциативно-вербальная сеть, которая демонстрирует специфический характер вербальной памяти и правила оперирования знаниями (в том числе метаязыковыми). Гипотеза данного исследования заключается в том, что в ассоциативно-вербальной сети «среднего» носителя языка должны обнаруживаться факты языкового автоматизма, в котором отражаются «следы» используемых в процессе обучения креативных мнемотехник. Связи между вербальным стимулом и реакциями в составе ассоциативного поля имеют разную силу, и их ядерно-периферийный характер демонстрирует соответственно разную актуальность метаязыкового знания, которое в значительной мере определяется удачностью использованных на стадии его формирования игровых мнестических приемов. Анализ показаний языкового сознания относительно отдельных фрагментов языковой системы может стать основой разработки новых методик обучения русскому языку с учетом психолингвистических факторов усвоения, обработки и воспроизведения информации.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, языковая способность, вербальная память, языковая личность, языковое сознание.

Автоматизм обычно определяется как действия, совершаемые без участия сознания. Довольно часто можно услышать: «Я пишу (употребляю слово) автоматически, не зная никаких правил». Применительно к такого рода ситуациям, по-видимому, в большинстве случаев следует говорить о так называемом «вторичном» автоматизме, который рассматривается в педагогической психологии как «результат прижизненного формирования действий, приобретения ими свойств навыка [Педагогический

... slovar.cc/enc/ped.html].

Несколько лет назад, еще до введения так называемого тотального диктанта, в Интернете стартовал проект «Что вы помните из школьного курса русского языка?». Наиболее частотными были следующие ответы:

– *Жи, ши пиши с буквой И;*

– *Цыган, цыплёнок;*

– *ЧК, ЧН без мягкого знака;*

– *Вопче ничё не помню* (запись приведена в том виде, в каком она была размещена в Интернете);

– *Я всё помню* [<https://otvet.mail.ru/question/44827552>].

Опыт показывает, что лучше всего запоминается (доводится до автоматизма) тот языковой материал, при изучении которого в школьной практике использовались игровые мнемотехники [Гридина, Коновалова 2014].

Анализ ответов сегодняшних учеников выпускных классов средних школ г. Екатеринбурга также демонстрирует устойчивость ассоциативных связей именно в игровых (креативных) «запоминалках», использованных в процессе обучения.

Ср., например, знакомые многим с детства рифмовки для запоминания правил и многочисленных исключений из правил:

- Сколько ни *дроЖи* – всё *одно Жи*;
- *цЫган на цЫпочках цЫкнул цЫплёнку: «ЦЫц!»;*
- Семь вопросов – просто чудо!
Их запомнишь просто так:
Где? Когда? Куда? Откуда?
Почему? Зачем? И как?
- Ко второму же спряжению
Отнесём мы, без сомненья,
Все глаголы, что на -ить,
Исключая: *брить, стелить*.
И ещё: *смотреть, обидеть,*
Слышать, видеть, ненавидеть,
Гнать, держать, дышать, вертеть,
И *зависеть, и терпеть*.
Вы запомните, друзья:
Их на -е- спрягать нельзя! (В.Волина)

Этот же блок информации, по-другому структурированный, в виде своеобразного рэпа из рифмованных глаголов второго спряжения периодически в разных ситуациях читает главный герой фильма Вадима Абдрашитова «Плюмбум, или опасная игра»: *«Гнать, держать, вертеть, обидеть, видеть, слышать, ненавидеть, и зависеть, и терпеть, да ещё дышать, смотреть»*.

Ряд игровых мнемотехник можно продолжать практически бесконечно, каждый вспомнит и универсальную рифмовку «про Ивана» для запоминания падежей, и какие-то свои примеры игровых мнемстических приемов, когда-либо использованных для разных правил русского языка. Все это лишь подтверждает мысль о том, что основой «вторичного» автоматизма является «образование жестких связей между свойствами ситуаций и определенной последовательностью операций, требовавших первоначально сознательной ориентации» [Педагогический ... slovar.cc/enc/ped.html].

Так что и почему помнит современный носитель русского языкового сознания из школьной практики изучения родного языка? Что и в каком виде хранится в его ассоциативно-вербальной сети, которая рассматривается как «способ репрезентации языка», как «субстрат языковой способности говорящего» [Караулов 1993].

Как отмечают авторы «Русского ассоциативного словаря» (РАС), ассоциативно-вербальная сеть в этом словаре демонстрирует «модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями ... в то же время РАС является отображением уникальных моделирующих способностей вербальной памяти «усредненного» русского, принадлежащего к определенному поколению. РАС есть не что иное, как модель знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов» [РАС, т. I: 7].

Основополагающим для данной работы является постулат о том, что «слово относится к сознанию как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1982: 318]. При таком подходе анализ ассоциативно-вербальной сети может дать пред-

ставление о характере фиксации в ней метаязыковых знаний, стереотипных или индивидуализированных, рефлексивных или автоматизированных, и в целом об ассоциативном потенциале языкового знака. Ср. определение ассоциативного потенциала слова (АПС) как «всей совокупности формально-семантических реакций, которые может вызвать слово в сознании носителей языка – с учетом динамики их актуализации в дискурсивных практиках социума и конкретных индивидуумов ... В такой трактовке структура АПС конгруэнтна структуре ассоциативного поля, в котором ядро и периферия не являются жестко заданными, отражая не только относительно константные ассоциативные стереотипы восприятия вербального знака, но и его многомерные вариативные проекции» [Гридина 2015: 149].

Приведем примеры представленности в АВС метаязыковых реакций, отражающих «остаточные» сведения о некоторых фрагментах языка в сознании его носителей.

1. Реакции, отражающие представления об орфографических правилах и исключениях из правил. Ср.: в наречиях после шипящих пишется мягкий знак (*навзничь, наотмашь, настезь*). Исключения составляют три слова: *уж, замуж, невтерпёж*. Именно в такой последовательности, создающей впечатление целостного завершённого предложения, эти исключения предлагаются для запоминания.

Проанализируем ассоциативные поля с этими стимулами, приведенные в РАС:

Стимул	Метаязыковые реакции	Примечания
Уж	<i>Замуж</i> (5), <i>замуж не-втерпёж</i> (5), <i>невтерпёж</i> (2), <i>да уж не-втерпёж</i> [I: 682 ⁸]	Общее количество реакций – 116, ядерная реакция – <i>змея</i> (21), поскольку стимул представляет омоформы существительного и наречия. Метаязыковые реакции находятся в зоне ближней и дальней периферии.

⁸ Здесь и далее в квадратных скобках указывается том Русского ассоциативного словаря и страница.

Замуж	<i>Невтерпеж</i> (5), <i>уж</i> , <i>уже</i> [I: 209]	Общее количество реакций – 104, ядерная реакция <i>выйти</i> (21), отражающая типовую сочетаемость. Метаязыковые реакции – в зоне ближней периферии.
Невтерпеж	<i>замуж</i> (17), <i>уж</i> (6) [I: 364]	Общее количество реакций – 106, единственная ядерная реакция в данном ассоциативном поле – метаязыковая (<i>замуж</i>), другая из рассматриваемой «триады» – в зоне ближней периферии.

Ядерность метаязыковой реакции в последнем случае определяется, по-видимому, меньшей частотностью стимула (по сравнению с двумя предыдущими членами «орфографической триады») и более слабыми валентностными характеристиками. Ср. единичные синтагматические реакции в составе ассоциативного поля: *невтерпеж – ждать, стало, пить, увидеть*. Это предположение подтверждается и явным преобладанием парадигматических реакций *невозмогу, надо, немедленно, нестерпимо* (синонимы) и *мочи нет, очень хочется, сильное желание, сильно охота* (симиляры).

Имеют ли статистическую значимость результаты определения соотношения ядерных и периферийных компонентов по сходным, но все-таки неравным выборкам? Для ответа на этот вопрос используем «хи-квадрат критерий» Карла Пирсона.

Факторный признак	Результативный признак		Сумма
	Количество R	Количество рефлексивных R	
<i>Фактор 1 (уж)</i>	116	13	129
<i>Фактор 2 (замуж)</i>	104	7	111
<i>Фактор 3 (невтерпеж)</i>	106	23	129
Всего	326	43	369

Число степеней свободы равно 2.

$$129 \cdot 326 / 369 = 113,9$$

$$111 \cdot 326 / 369 = 98,2$$

$$129 \cdot 43 / 369 = 15,03$$

$$111 \cdot 43 / 369 = 12,94$$

Значение критерия χ^2 составляет 8.173:

$$\chi^2 = (116 - 113,9)^2 / 113,9 + (13 - 15,03)^2 / 15,03 + (104 - 98,2)^2 / 98,2 + (7 - 12,94)^2 / 12,94 + (106 - 113,9)^2 / 113,9 + (23 - 15,03)^2 / 15,03$$

Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0,05$ составляет 5,991.

Величина χ^2 больше, чем критическая, таким образом, можно сделать вывод, что связь между факторным и результативным признаками статистически значима и наличие обнаруженных рефлексивных реакций в анализируемых ассоциативных полях закономерно.

Подобные результаты обнаруживаются при анализе ассоциативных полей *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*, в каждом из которых преобладающими являются синтагматические реакции, обусловленные типовыми связями существительного с прилагательным по типу согласования, где один компонент сочетания конкретизирует семантику другого. Однако ожидаемые реакции, отсылающие к исключению из орфографического правила написания суффиксов прилагательных -ан, -ян, -ин с одной Н, оказываются либо прядерными, либо в зоне ближней периферии.

Деревянный [I: 162-162] – *оловянный* (32) – третья по частотности реакция после *дом* и *стол*; *стеклянный* (13) – зона ближней периферии.

Оловянный [I: 405] – *деревянный* (12) – также третья по частотности реакция, «обгоняют» ее только реакции *солдатик* (54) и *солдат* (17); *стеклянный* (2) – дальняя периферия, но все-таки не единичная реакция.

Стеклоанный [I: 628] – *оловянный* (8) – четвертая по частотности реакция после ожидаемых синтагматических *шар*, *стакан*, *сосуд*; *деревянный* (2) – эта реакция также обнаруживает слабую семантическую связь, расположившись в зоне дальней периферии, но исходную связку с орфографическими «партнерами по исключительности» поддерживает.

2. Реакции, отражающие знания о лексико-грамматических разрядах местоимений. Мы в ритмизированном виде запоминаем, например, набор определительных местоимений *весь, всякий, сам, самый, каждый, иной, любой, другой* (возможны другие варианты). Посмотрим, как представлена эта группа в соответствующих ассоциативных полях в РАС:

Всякий [I: 118] – *каждый* (6), *любой* (6), *другой* (2), *иной*⁹, и *любой*.

Весь [I: 86] – *всякий* (5).

Иной, сам – нет стимулов в РАС.

Самый [I: 569] – 0

Каждый [I: 242] – *всякий* (36) – третье по частотности после сильных синтагматических реакций *день* и *человек*; *любой* (9), *сам* (4), *самый* (3), *другой*.

Любой [I: 303] – *другой* (11) – ядерная реакция, возможно, поддержанная устойчивым разговорным сочетанием *любой другой*; *всякий* (6), и *каждый*, *каждый*.

Другой [I: 181] – *иной* (16).

Можно заметить, что при имеющихся в каждом из приведенных полей лакунах вся семантическая парадигма «собирается» – так из реакций, рассыпанных по нескольким смежным ассоциативным полям. «Сортировка» языкового материала сознанием во многом зависит от его семантической организации. Для данной группы слов это, по-видимому, особенно актуально, т.к. большая часть из них выступает в лексикографической практике взаимными идентификаторами. Ср.: *каждый* – *всякий*, *любой* из себе подобных; *всякий* – *каждый*, какой угодно из всех, *любой*; *разный*, всевозможный [ТСРЯ 2007] и т.д. О лингвистической природе определительных местоимений есть специальные работы, а что касается их синонимии (реальной или воображаемой), то можно лишь согласиться с Б. Ю. Норманом, который замечает, что «язык не любит абсолютных синонимов, и если мы считаем какие-то формы выражения мысли равноправными вариантами, то чаще всего это свидетельствует лишь о грубости наше-

⁹ По правилам, принятым при обработке ассоциативных экспериментов и используемым также в РАС, единичные реакции указываются без индекса частотности.

го анализа, о том, что какие-то тонкости словоупотребления выпадают из поля нашего зрения» [Норман 1994: 6-7]. В психолингвистическом ключе для исследования психологической реальности значения единиц, составляющих близкие (смежные) семантические пространства можно использовать методы косвенного опосредованного исследования семантики, метод установления семантического расстояния и др. [Петренко 1997: 94], что может стать предметом отдельного описания.

3. Реакции, демонстрирующие грамматическую компетенцию респондентов (участников эксперимента с составителями РАС) в области спряжения глаголов. Вернемся к упоминаемым в начале статьи глаголам-исключениям. Часть из них, выступая в роли стимулов, вызвала единичные реакции из «автоматизированной связки». Ср. *смотреть – и видеть, видеть; ненавидеть – увидеть* – здесь вообще нельзя однозначно говорить о наличии связей с анализируемой группой глаголов: это могут быть парадигматические связи синонимического типа (в первом примере) или формальные ассоциаты по типу рифмовок-отзвучий (во втором примере). В других случаях есть не только непосредственные семантические связи или сближения по фонетическому принципу, но и опосредованные ассоциативные связи: *видеть – смотреть, и смотреть, ненавидеть, обидеть; терпеть – вертеть, и видеть, и ненавидеть*. Самыми показательными, конечно, являются ассоциативные поля со стимулами *знать – держать, бежать, вертеть, обидеть, ненавидеть* и *держать – знать, дышать, вертеть, видеть, смотреть*. Здесь мы видим слова с разными формальными показателями (финалями инфинитивов) и разных тематических групп, которые вряд ли случайно оказались в соответствующих полях.

В целом можно заметить, что связи между вербальным стимулом и реакциями в составе ассоциативных полей имеют разную силу, и их ядерно-периферийный характер демонстрирует соответственно разную актуальность метаязыкового знания, которое в значительной мере определяется удачностью использованных на стадии его формирования игровых мнестических приемов.

По нашим наблюдениям, орфографические рефлексy сознания обнаруживают больший автоматизм. В случаях с граммати-

кой отмечается отсутствие в ассоциативно-вербальной сети «необходимых и привычных грамматико-системных отношений, <...> классификационных отношений единиц, <...> нет объединяющих их парадигм, нет правил и выводимых из них зависимостей между единицами» [РАС, т. I: 755]. Этим в значительной степени объясняется, по-видимому, «лексикализация и диссипация» [там же: 768] этих видов знаний в ассоциативно-вербальной сети.

Психолингвистический подход к изучению языкового автоматизма открывает новые возможности в исследовании таких аспектов этого феномена, как соотношение универсальных речемыслительных действий и индивидуальных стратегий запоминания языкового материала, а также дальнейшего его употребления в разных коммуникативных ситуациях.

Анализ показаний языкового сознания, зафиксированных в РАС, может стать основой разработки новых методик обучения русскому языку с учетом психолингвистических факторов усвоения, обработки и воспроизведения информации.

ЛИТЕРАТУРА

Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. – М., 1982.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвокреативной деятельности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. – С. 148-157.

Гридина Т. А. Детская речь как сфера лингвокреативной деятельности и лингвистика игры // Педагогическое образование и наука. 2004. №6. – С. 7.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2014. № 1. С. 128-134.

Коновалова Н. И. Психодиагностика речевой способности: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 2015.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002. – С. 750-782.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М., 1997

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М., 1959.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Педагогический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим

доступа: www.slovar.cc/enc/ped.html

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – Смоленск, 1997.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2007

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

©Коновалова Н. И., 2016